

Кир Булычев

Глаз

Часть сборника
Монументы Марса (сборник)

Кир Булычев

Глаз

«ЭКСМО»

1978

Булычев К.

Глаз / К. Булычев — «Эксмо», 1978

«Когда Борис Коткин оканчивал институт, все уже знали, что его оставят в аспирантуре. Некоторые завидовали, а сам Коткин не мог решить, хорошо это или плохо. Он пять лет прожил в общежитии, в спартанском уюте комнаты 45. Сначала с ним жили Чувпилло и Дементьев. Потом, когда Чувпилло уехал, его место занял Котовский. Дементьев женился и стал снимать комнату в Чертанове, и тогда появился Горенков. С соседями Коткин не ссорился, с Дементьевым одно время даже дружил, но устал от всегдашнего присутствия других людей и часто, особенно в последний год, мечтал о том, чтобы гасить свет, когда захочется. Он даже сказал Саркисянцу, что вернется в Путинки, будет там преподавать в школе физику и биологию, а Саркисянц громко хохотал, заставляя оборачиваться всех, кто проходил по коридору...»

© Булычев К., 1978

© Эксмо, 1978

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Кир Булычев

Глаз

1

Когда Борис Коткин оканчивал институт, все уже знали, что его оставят в аспирантуре. Некоторые завидовали, а сам Коткин не мог решить, хорошо это или плохо. Он пять лет прожил в общежитии, в спартанском уюте комнаты 45. Сначала с ним жили Чувпилло и Дементьев. Потом, когда Чувпилло уехал, его место занял Котовский. Дементьев женился и стал снимать комнату в Чертанове, и тогда появился Горенков. С соседями Коткин не ссорился, с Дементьевым одно время даже дружил, но устал от всегдашнего присутствия других людей и часто, особенно в последний год, мечтал о том, чтобы гасить свет, когда захочется. Он даже сказал Саркисянцу, что вернется в Путинки, будет там преподавать в школе физику и биологию, а Саркисянец громко хохотал, заставляя оборачиваться всех, кто проходил по коридору.

Коткин не ходил в походы и не ездил в стройотряд. На факультете к этому привыкли и не придирались: он был отличником, никогда не отказывался от работы, собирал профсоюзные взносы и отвечал за Красный Крест. А на все лето Коткин непременно ехал в Путинки – его мать ослепла, жила одна, ей было трудно, и нужно было помочь.

У них с матерью была комната в двухэтажном бараке, оставшемся от двадцатых годов. Барак стоял недалеко от товарной станции. Раньше мать преподавала в путинковской школе, потом вышла на пенсию. Кроме Бориса, родных у нее не было.

Как и в школьные времена, мать спала за занавесочкой, спала тихо, даже не ворочалась, словно и во сне боялась обеспокоить Бориса. За окном перемигивались станционные огни, и гулкий голос диспетчера, искаженный динамиком, распоряжался сцепщиками и машинистами маневровых паровозов.

Мать вставала рано, когда Коткин еще спал, одевалась, брала палочку и уходила на рынок. Она полагала, что Боре полезнее пить молоко с рынка, чем магазинное. Боря прибирал комнату, приносил от колонки воды и все время старался представить себе, какова мера одиночества матери, зримый мир которой ограничивался воспоминаниями.

А мать никогда не жаловалась. Возвращаясь с рынка или из магазина, на секунду замирала в дверях и неуверенно улыбалась, стараясь уловить дыхание Бориса, убедиться, что он здесь. Она иногда говорила тихим учительским голосом, что ему надо пореже приезжать в Путинки, он здесь зря теряет время, мог бы отдыхать с товарищами или заниматься в библиотеке. Если ты на хорошем счету, не стоит разочаровывать преподавателей. Они ведь тоже люди и разочарование переносят тяжелее, чем молодежь. Матери тоже приходилось иногда разочаровываться в людях, но она предпочитала относить это за счет своей слепоты. «Мне надо увидеть выражение глаз человека, – говорила она. – Голосом человек может обмануть. Даже не желая того».

Ей нравилось, что Коткин увлечен своей биофизикой, она помнила когда-то давно сказанную им фразу: «Я буду хоть сто лет биться, но верну тебе зрение». Мать считала, что до этого дня не доживет, но радовалась за других, за тех, кому ее сын возвратит зрение. «А помнишь, – говорила она, – ты еще в седьмом классе обещал мне...»

В феврале, когда Коткин был на пятом курсе, мать неожиданно умерла. Коткину поздно сообщили об этом, и он не успел на похороны.

Аспирантура означала еще три года общежития. Замдекана, бывший факультетский гений Миша Чельцов, которого слишком рано начали выпускать на международные конференции, сочувственно мигал сквозь иностранные очки и обещал устроить отдельную комнату.

– Сделаем все возможное, – говорил он. – Все от нас зависящее.

Но пока свободных отдельных комнат в общежитии не было.

Весной, в конце марта, Коткин был на факультетском капустнике. Он устроился в заднем углу, поближе к двери, чтобы уйти, если станет скучно. Рядом сидела Зина Пархомова с четвертого курса. Ей было весело, и она с готовностью смеялась, если это требовалось по ходу действия. Потом оборачивалась к Коткину и удивлялась, почему он не смеется. Коткин улыбался и кивал головой, чтобы показать, что он с ней согласен: очень смешно. У Зины было овальное, геометрически совершенное лицо и белая кожа. Она единственная на факультете не рассталась с косой и закручивала ее вокруг головы венцом. В тот вечер коса лежала на груди, и это было красиво.

Зина смотрела на него заинтересованно, как на зверюшку в зоопарке. Хуже нет, чем увидеть себя отраженным в чужих глазах как в зеркале, когда невзначай пройдешь мимо него, помотришься случайно и увидишь, до чего же ты некрасив. Растерянный взгляд серых глазок под рыжими бровями. Тонкий, будто просвечивающий, и красный на конце нос. А рот и подбородок от другого, совсем уж маленького человека.

– Простите, – сказал Борис. – Разрешите, я выйду.

– Куда же вы? – спросила Зина. – Сейчас оркестр будет. Они такие лапочки.

Коткин поднялся и ждал, пока Зина пропустит его, стараясь не встретиться с ней глазами.

Потом он курил в коридоре, у лестницы, и никак не мог уйти домой. В общежитие возвращаться не хотелось, а ничего иного придумать он не мог. Он глядел на ботинки. Ботинки за день запылились, и правый треснул у самого ранта.

– Коткин, у меня создалось впечатление, что я вас прогневила. Так ли это?

Рядом стояла Зина.

– Что вы, что вы, – возразил Коткин. – Мне пора идти.

Два года назад в него влюбилась одна первокурсница, умненькая и старательная. Она даже стала собирать, как и Коткин, марки с животными, показывая этим родство их душ. Но первокурсница была некрасива и робка, и его мучило, что это подчеркивает его собственную неприглядность. Коткин был с ней вежлив, но прятался от нее. Скоро об этом узнали на курсе, и над ним смеялись. Коткин хотел бы влюбиться в значительную, яркую девушку, такую, как Пархомова. Но он понимал крамольность такой мечты и красивых девушек избегал.

Дня через два, встретив Бориса в коридоре, Зина Пархомова улыбнулась ему как хорошему знакомому, хотя в этот момент разговаривала с подругами. Подруги захихикали, и потому Коткин отвернулся и быстро прошел мимо, чтобы не ставить Зину в неудобное положение.

Избежав встречи с Зиной, Борис минуты три оставался в убеждении, что поступил правильно. Но когда эти три минуты прошли, он понял, что должен отыскать Зину и попросить у нее прощения.

Ночь Коткин провел в предоперационном трепете. К утру он настолько потерял присутствие духа, что взял из тумбочки соседа градусник и держал его минут двадцать, надеясь, что заболел. Вышло 36,8. Днем на факультете Коткин несколько раз видел Зину, но издали и не одну, пришлось ждать ее на улице после лекций. Он не знал, в какую сторону Зина идет из института, и спрятался в подъезде напротив входа. В подъезд входили люди и смотрели на Коткина с подозрением, а он делал вид, что чем-то занят, – завязывал шнурок на ботинке, листал записную книжку. Ему казалось, что Зина уже прошла мимо, и он прижимался к стеклу двери, глядя вдоль улицы.

Зина вышла не одна, ее провожал широкоплечий парень, они пошли налево, и после некоторого колебания Коткин, проклиная себя, последовал за ними. Он шел шагах в пятидесяти сзади и боялся, что Зина обернется и решит, что он следит за ней. Так они дошли до угла, пересекли площадь, и Коткин дал слово, что, если они не расстанутся тут же, он уйдет

и никогда больше не приблизится к Зине. Зина и ее знакомый не расстались на углу, а пошли дальше, Коткин за ними, отыскивая глазами следующий ориентир, после которого он повернет назад. Но он не успел этого сделать. Неожиданно Зина протянула широкому парню руку и направилась к Коткину, который не успел спрятаться.

– Здравствуй, – сказала она. – Ты за мной следил. Я очень польщена.

– Нет, – возразил Коткин. – Я просто шел в эту сторону и даже не видел...

Зина положила ему на плечо красивую руку.

– Борис, – спросила она, – ты не очень спешишь?

– Я хотел попросить у вас прощения, – начал Коткин. – Но так неловко получилось...

Они были в кино, потом Коткин проводил Зину на Русаковскую, и Зина показала ему окна своей квартиры.

– Я тут живу со стариками. Но отцу дают назначение в Среднюю Азию. Он у меня строитель. Так что я останусь совсем одна.

Коткин сказал:

– А у меня только мать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.